

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

UDC 327.8
LBC 66.4(4)/66.4(8)

Submitted: 31.03.2024
Accepted: 21.05.2024

BIDEN'S U.S. FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA: MILITARY-POLITICAL ASPECT

Liudmila M. Reshetnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article examines the military-political aspect of the U.S. foreign policy of the Biden administration in the Central Asian region. Despite the withdrawal of American troops from Afghanistan in 2021, the role and international significance of Central Asia, as an area of competing interests of great powers, continue to be relevant for the United States. The strategic importance of Central Asia is determined by its natural resources and significant position in the structure of regional security in Eurasia. *Methods and materials.* The theory of regional complexes by B. Buzan and O. Waever is the conceptual basis of the article, in which threats of a geostrategic, military-political, and regional-economic nature determine the contours of modern security in Central Asia. Discourse analysis and quantitative data from international political indices made it possible to understand the priorities of U.S. foreign policy in the 2020s. *Analysis.* After the events of September 11, 2001, the United States attached optimal importance to the Central Asian region, whose states provided assistance to international forces and contributed to the anti-terrorist operation in Afghanistan. In the 2010s, the organization of the C5+1 format marked a new stage in U.S. policy towards Central Asia. The military-political aspect of bilateral contacts in the 2020s was outlined in the "US Strategy for Central Asia 2019–2025: Strengthening Sovereignty and Economic Prosperity." Within the framework of this document, foreign policy approaches to cooperation to ensure regional security in Central Asia were determined. *Results.* Based on the analysis of quantitative data, it can be argued that the principles of cooperation between the United States and the states of Central Asia are preserved. Military-political cooperation is focused on reducing terrorist threats in Central Asia and is implemented through mechanisms for strengthening security services to protect national borders, as well as foreign military sales, military financing, and education programs. The foreign policy strategy of the Biden administration is built on the priorities of implementing economic cooperation programs as opposed to the military-political aspect of bilateral relations.

Key words: U.S. foreign policy, Central Asia, U.S. foreign assistance, military cooperation, President Joseph Biden.

Citation. Reshetnikova L.M. Biden's U.S. Foreign Policy in Central Asia: Military-Political Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 245-255. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

УДК 327.8
ББК 66.4(4)/66.4(8)

Дата поступления статьи: 31.03.2024
Дата принятия статьи: 21.05.2024

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Людмила Михайловна Решетникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В данной статье рассмотрен военно-политический аспект внешней политики США администрации Джозефа Байдена в Центрально-Азиатском регионе. Несмотря на вывод американских

войск из Афганистана в 2021 г., роль и международное значение Центральной Азии (ЦА) как пространства конкуренции интересов великих держав продолжает оставаться актуальным для Соединенных Штатов. Стратегическая важность ЦА определяется природными ресурсами и значимым положением в структуре обеспечения региональной безопасности в Евразии. *Методы и материалы.* Теория региональных комплексов Б. Бузана и О. Уэвера является концептуальной основой статьи, в контексте которой угрозы геостратегического, военно-политического, регионально-экономического характера определяют контуры современной безопасности ЦА. Дискурс-анализ и количественные данные международно-политических индексов позволили понять приоритеты внешней политики США в 2020-е годы. *Анализ.* После событий 11 сентября 2001 г. США придали оптимальное значение Центрально-Азиатскому региону, государства которого оказывали помощь международным силам и содействовали проведению антитеррористической операции в Афганистане. В 2010-е гг. организация формата «С5+1» ознаменовала новый этап в политике США в отношении Центральной Азии. Военно-политический аспект двусторонних контактов в 2020-е гг. был обозначен в «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания». В рамках этого документа определялись внешнеполитические подходы к сотрудничеству по обеспечению региональной безопасности в ЦА. *Результаты.* На основе анализа количественных данных можно утверждать о сохранении принципов кооперации США с государствами Центральной Азии. Военно-политическое сотрудничество сосредоточено на снижении террористических угроз в ЦА и реализуется посредством механизмов укрепления службы безопасности по защите национальных границ, а также программ иностранных военных продаж, военного финансирования и образования. Внешнеполитическая стратегия администрации Джо Байдена выстроена на приоритетах реализации программ экономического взаимодействия в противовес военно-политическому аспекту двусторонних отношений.

Ключевые слова: внешняя политика США, Центральная Азия, иностранная помощь, военное сотрудничество, президент Джозеф Байден.

Цитирование. Решетникова Л. М. Военно-политический аспект внешнеполитической стратегии США администрации Дж. Байдена в Центральной Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 245–255. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

Введение. Географическое положение Центральной Азии и наличие на ее территории энергетических ресурсов определили значимость этого региона для внешнеполитических интересов США. Хотя центральноазиатские государства географически находятся в отдалении от американской территории, им удалось оказать влияние на глобальную политику и привлечь внимание Вашингтона благодаря сочетанию внешнеполитических целей и умелой дипломатии лидеров Центральной Азии.

Стратегическое расположение Центрально-Азиатского региона (ЦАР) ставит его в центр соперничества великих держав. Географическая близость к основным игрокам глобальной политики делает регион важным для Соединенных Штатов, поскольку они стремятся сохранить собственное влияние и устойчивость баланса сил ведущих акторов международных отношений. Международно-политическое значение ЦАР обусловлено транзитным потенциалом региона, в котором развитие логистических связей и модернизация транспортной инфраструктуры способствуют

увеличению торговли, международного транзита и инвестиций.

После событий 11 сентября 2001 г. США определили немаловажную роль Центрально-Азиатскому региону, государства которого довольно активно оказывали помощь международным силам и содействовали проведению антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Казахстан, Узбекистан предоставили свою территорию для транзита грузов, Кыргызстан – аэропорт для базирования авиации коалиции. Центральноазиатские республики стали важными партнерами США в борьбе с транснациональными угрозами: терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. Сотрудничество США по данным направлениям, несмотря на завершение операций «Несокрушимая свобода», «Страж свободы», «Решительная поддержка» в Афганистане, на современном этапе отношений с этими государствами продолжается и способствует поддержанию безопасности на региональном и международном уровне и реализации соответствующих программ.

Методы и материалы. В данной статье географические рамки региона Центральной Азии охватывают Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Предметом исследования в статье выступают пять постсоветских республик, сформировавших систему взаимосвязанных международных отношений, направленных на обеспечение многосторонней безопасности. Теория региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Уэвера является концептуальной основой статьи. В контексте этой теории сформировалось понимание, что региональный баланс сил, как и безопасность каждого государства из центральноазиатской пятерки, находится в тесной взаимосвязи с Афганистаном наряду с тем потенциалом, который могут предложить Центрально-Азиатскому региону ведущие акторы современной мирополитической системы. В рамках Центральной Азии сложились определенные меры доверия и межгосударственного сотрудничества для минимизации конфликтов и создания зоны стабильности в рамках РКБ. Ряд исследователей отмечает, что комплексность региональной безопасности Центральной Азии основана на спектре угроз геостратегического, военно-политического, регионально-экономического характера [2, с. 189–191].

Методологической основой статьи стал дискурс-анализ, позволивший интерпретировать высказывания и тексты официальных документов с целью понимания контекста и приоритетов внешней политики США в 2020-е годы. Фактологический материал опирается на сравнительный анализ количественной информации базы данных об объеме помощи США, выделяемой центральноазиатским партнерам в период с 2001 по 2024 г., и на данные параметров международно-политических индикаторов и индексов, таких как Global Terrorism Index, Fragile State Index за 2023 год.

Анализ. Формат диалога «С5+1», запущенный администрацией Б. Обамы в ноябре 2015 г., ознаменовал новый этап в политике США в отношении Центральной Азии. С закрытием «Северной распределительной сети» по транспортировке военных грузов, базы «Манас» в Кыргызстане и постепенным выводом американских войск из Афганистана, в рамках внешнеполитического дискурса Цен-

тральная Азия больше не воспринималась как регион, обладающий решающим значением для американской безопасности. Экономическое сотрудничество теперь стало основным направлением деятельности США.

Тем не менее это не отменяло реализацию контактов в военно-политической области. Во внешней политике администрации Б. Обамы и Д. Трампа военно-политическое сотрудничество занимало значимое место в отношениях США и государств Центральной Азии. Так, в 2018 г. глава Центрального командования США совершил несколько визитов, в рамках взаимодействия Соединенных Штатов и Узбекистана был подписан пятилетний военный план. Эти меры позволили усилить операции по борьбе с терроризмом и наркографиком, повысить режим безопасности на границе. При этом Казахстан оставался наиболее значительным центральноазиатским партнером для США по укреплению стабильности в Афганистане. В целом за период 2015–2020 гг. центральноазиатские государства активизировали сотрудничество по военной линии не только с США, но и с Россией, Китаем, Турцией [17, р. 218–231].

Знаковыми для определения подхода к Центрально-Азиатскому региону республиканской администрации Д. Трампа стали встречи в формате «С5+1», визиты госсекретаря М. Помпео в Казахстан, Узбекистан в 2020 г. и объявление новой «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания» (United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity). Согласно данному документу предполагается последовательное и комплексное участие США в экономической, энергетической сферах, вопросах безопасности, развитие демократических принципов и ценностей, образования и культуры, что позволит сохранить суверенитет центральноазиатских государств, их экономическую самостоятельность и снизить террористическую угрозу. В целях укрепления региональной безопасности следовало реализовать совместные военные инициативы, как, например, «Степной орел» и Программу партнерства государств. Минимизация террористических угроз в Центральной Азии реализуется посредством

механизма укрепления служб безопасности по защите национальных границ. Как подчеркивалось, к 2020 г. Соединенные Штаты инвестировали более 90 млн долл. (здесь и далее доллары США) в пограничную безопасность в Центральной Азии, проведя более 200 мероприятий по подготовке кадров и обучив более 2 600 пограничников [16].

Отдельными исследователями отмечалось, что движущей силой новой Стратегии было не изменение американских приоритетов в Центрально-Азиатском регионе, а появление новых возможностей, ставших причиной изменений внутри ЦАР и усилением экономического влияния Китая [11, р. 133–140]. Помимо узкоспециализированной стратегии в отношении Центральной Азии, в более масштабной «Стратегии национальной безопасности США» 2022 г. подчеркивалось, что «Центральная Азия – геостратегический регион, важный для национальной безопасности Соединенных Штатов, независимо от их уровня активности в Афганистане» [13].

Подходы к безопасности в Центральной Азии в 2021 г. администрации Джо Байдена определялись программами сотрудничества США в данной области, были направлены традиционно на противодействие транснациональным угрозам, таким как терроризм и незаконный оборот наркотиков, обеспечение безопасности границ, содействие профессионализации сил безопасности и продвижение уважения к верховенству закона и правам человека. Соединенными Штатами в рамках системы иностранных военных продаж (Foreign military sales – FMS) и программы иностранного военного финансирования (Foreign military financing – FMF) были предприняты меры по наращиванию потенциала пограничной безопасности и борьбы с терроризмом партнерских сил безопасности в Центральной Азии, в том числе путем предоставления транспортных средств, оборудования связи, обучения и материального обеспечения. Продолжилось финансирование международной программы военного образования и подготовки (International military education and training – IMET) [15].

С выводом американских войск из Кабула в августе 2021 г. главные цели Соединенных Штатов в регионе остаются неизменными, хотя Афганистану теперь уделяется

меньше внимания. Внешнеполитический дискурс представителей администрации Байдена строится вокруг понимания того, что США продолжают поддерживать усилия государств Центральной Азии по обеспечению их независимости, суверенитета и территориальной целостности. Ограниченные прямые экономические интересы США или вызовы безопасности в Центральной Азии в постафганской реальности требуют от Вашингтона сдержанности, умеренного ожидания результатов и отказа от высоких обещаний прошлого [12].

При администрации Джо Байдена, в связи с выводом американских войск из Афганистана, распространением общемирового влияния Китая, США сохранили интерес к стабилизации и возможной интенсификации двусторонних связей с Центральной Азией, тем не менее крупных инвестиций и их увеличения со стороны США не следует ожидать. Количественные данные Государственного департамента США и Агентства по международному развитию о суммарных объемах американской помощи центральноазиатским государствам подтверждают данную тенденцию и свидетельствуют о снижении финансирования региональных военно-технических и военно-образовательных программ в Центральной Азии.

Так, в 2023 г. (красная точка на графиках ниже) США предоставили Казахстану по программам военно-технического и социально-экономического сотрудничества почти втрое меньшую сумму (20 млн долл.) по сравнению с 2020 г. (64 млн долл.). В структуре выделенных средств доминирует финансирование экономических и социальных программ и инициатив. Аналогичной выглядит ситуация с распределением американской помощи по программам Государственного департамента, отраслевых министерств, Агентства по международному развитию США Узбекистану, Таджикистану, Кыргызстану и Туркменистану. При администрации президента Байдена происходит постепенное сокращение расходов США на международные программы для Центральной Азии, в структуре которых превалирует экономическая направленность. За 2023 г. согласно количественным данным главными бенефициарами американской помощи в целом стали Таджикистан и Кыргызстан. При этом по линии фи-

нансирования военной поддержки наибольший объем денежных средств был направлен Казахстану и Узбекистану в размере примерно 1 млн 600 тыс. – 2 млн долл. [14].

Следует отметить, что предоставление американской помощи проходило по направлениям Международной программы военного образования (IMET) в целях подготовки личного состава вооруженных сил центральноазиатских государств. За 2023 г. Казахстан и Узбекистан получили 1 млн 330 тыс. – 1 млн 600 тыс. долларов. Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану было предоставлено от 690 до 250 тыс. долл. [14].

Совместные учения военных центральноазиатских стран и США как элементы образовательных программ подготовки (IMET) проводились в 2021 г., когда элитные войска Национальной гвардии Узбекистана принимали участие в маневрах на территории США «Южный удар-2021» с целью обмена опытом

проведения антитеррористических операций [3]. В 2022 г. на территории Таджикистана проходили учения «Региональное сотрудничество-22» Центрального командования США совместно с военнослужащими Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Монголии и Пакистана, участники которого должны были отработать методы пресечения оружия массового поражения, наркотических веществ и террористических элементов [10]. В 2023 г. подобные маневры были организованы на территории США с тем же составом и включением наблюдателей со стороны уже и заинтересованного в военных контактах Туркменистана [4]. Программы иностранного военного финансирования (FMF) касались предоставления транспортных средств, оборудования связи, иного материального обеспечения национальным гвардиям государств Центральной Азии на уровне расходов в 200 тыс. долл. [14] (см. рис. 1–6).

Рис. 1. Помощь США Республике Казахстан, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 1. U.S. foreign assistance to Kazakhstan, 2001–2024 [14]

Рис. 2. Помощь США Республике Узбекистан, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 2. U.S. foreign assistance to Uzbekistan, 2001–2024 [14]

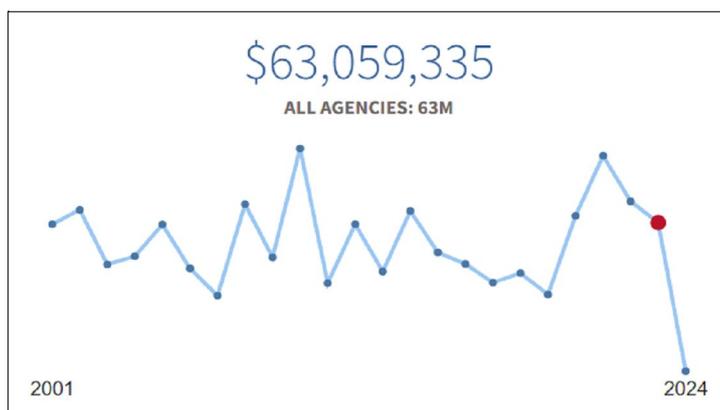

Рис. 3. Помощь США Республике Таджикистан, 2001–2024 гг. [14]
Fig. 3. U.S. foreign assistance to Tajikistan, 2001–2024 [14]

Рис. 4. Помощь США Кыргызской Республике, 2001–2024 гг. [14]
Fig. 4. U.S. foreign assistance to Kyrgyzstan, 2001–2024 [14]

Рис. 5. Помощь США Туркменистану, 2001–2024 гг. [14]
Fig. 5. U.S. foreign assistance to Turkmenistan, 2001–2024 [14]

В рамках поддержки программы Управления ООН по наркотикам и преступности в 2023 г. США профинансировали меры по антитеррористической деятельности и незаконному обороту наркотиков в Казахстане, Уз-

бекистане, Таджикистане и Туркменистане. Для укрепления пограничных войск и поддержки режима безопасности границы Таджикистана с соседними территориями было предоставлено около 1 млн долл. [14].

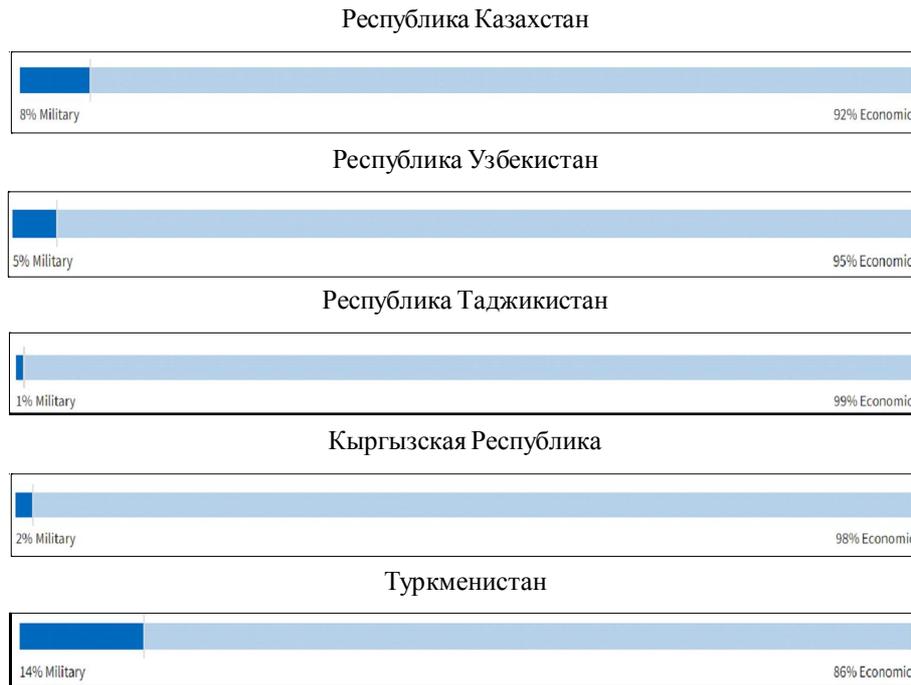

Рис. 6. Соотношение финансирования военной и экономической помощи США центральноазиатским государствам, 2023 г. [14]

Fig. 6. The ratio of U.S. foreign military and economic assistance to the Central Asian states, 2023 [14]

Значительная диспропорция в структуре расходов программ иностранной помощи США в ЦА, где предпочтение отдается экономическим аспектам, отчасти объяснима стабилизацией внешне- и внутривнутриполитической безопасности в регионе в 2023 году. Хотя в 2022 г. масштабные внутренние протесты произошли в трех из пяти стран региона – Казахстане, Таджикистане и Узбекистане – а конфликт на границе между Кыргызстаном и Таджикистаном стал крупнейшей трансграничной эскалацией за всю историю региона. События протестной активности в центральноазиатских странах развивались по схеме, когда растущая напряженность и недовольство среди граждан стали причиной беспорядков, которые сопровождалась жесткой и непропорциональной контрреакцией, что усиливает недоверие между властями и населением [8]. Тем не менее центральноазиатские государства остаются устойчивыми государственными образованиями с относительно стабильными институтами по обеспечению национальной безопасности, о чем свидетельствует Индекс слабости государства (Fragile State Index), основанный на отдельных индикаторах,

учитывающих внутривнутриполитические и внешние факторы функционирования системы государственных институтов (см. рис. 7).

Казахстан из всех центральноазиатских стран обладает наиболее устойчивыми политическими, экономическими, социальными институтами. В то время как Кыргызстан и Таджикистан представлены как наиболее уязвимые к воздействию внешних и внутренних субъектов и угроз, влияющих на функционирование политической системы, государственных структур, развитие экономики и обеспечение национальной безопасности [5].

Влияние угрозы терроризма и трансграничного наркобизнеса ослабляет систему региональной безопасности в Центральной Азии. Так, за период 2020–2022 гг. согласно базе данных по мониторингу наркобизнеса Управления ООН по наркотикам и преступности наибольшее количество конфискованного опиума и героина в ЦАР приходится на Узбекистан из пяти постсоветских государств [7]. Воздействие терроризма на Центрально-Азиатский регион также сохраняется, о чем свидетельствуют данные Индекса глобального терроризма (Global Terrorism Index) за 2023 год.

Согласно данному индексу, в 2023 г. в Таджикистане (занявшем 69 место из 163 стран, что стало худшей позицией в рейтинге Индекса глобального терроризма среди пяти центральноазиатских государств), как и в Афганистане – основном источнике террористической угрозы в ЦА, отмечено улучшение ситуации, снижение уровня терроризма, оказывающего влияние на региональную систему международных отношений. В 2023 г. в Афганистане было зарегистрировано 119 смертей от терроризма, что на 81 % меньше, чем в 2022 году [6, р. 39]. В Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане террористические

акты не зафиксированы и индекс имеет нулевое значение в отличие от Узбекистана и Таджикистана (см. рис. 8). Несмотря на временное снижение трансграничные вызовы и угрозы в современной Центральной Азии сохраняются, что не позволяет США проигнорировать меры, направленные на их минимизацию, и таким образом поддерживать основу для косвенного военно-политического присутствия США в регионе.

С одной стороны, США действительно выступают с позиции заинтересованности в укреплении системы региональной безопасности, так как стабильный внутривнутриполитический

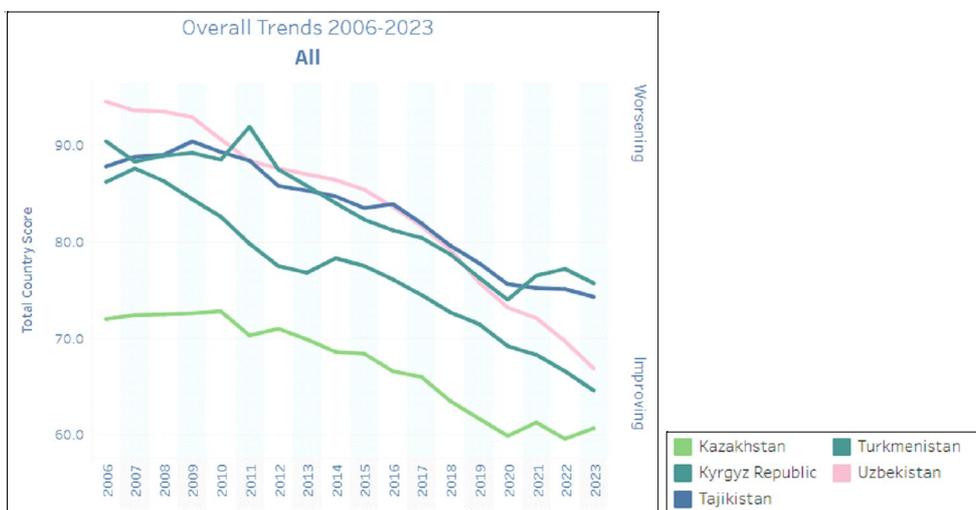

Рис. 7. Индекс слабости центральноазиатских государств, 2006–2023 гг. [5]

Fig. 7. The fragile state index for Central Asia, 2006–2023 [5]

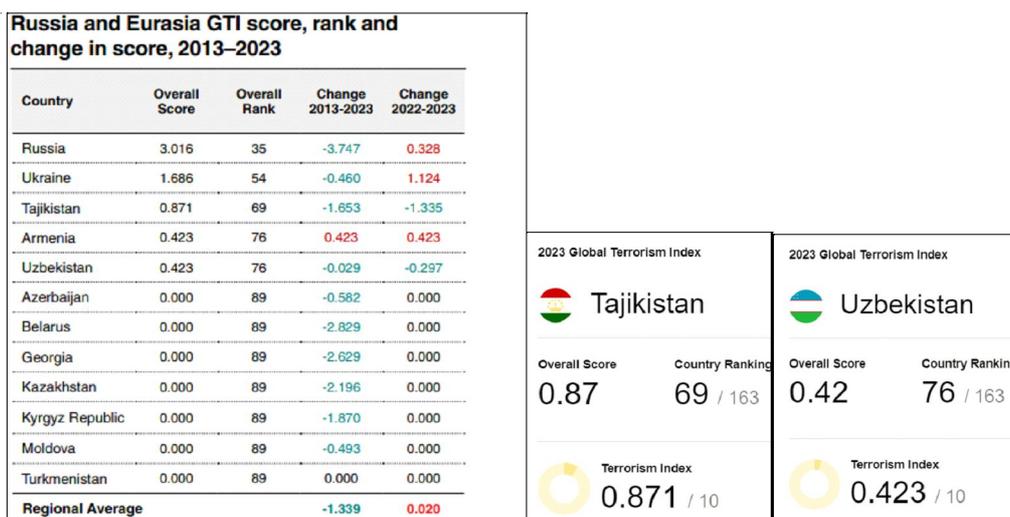

Рис. 8. Индекс терроризма в центральноазиатских государствах, 2023 г. [6, р. 38–39]

Fig. 8. The global terrorism index for Central Asia, 2023 [6, р. 38-39]

режим является благоприятствующим фактором для ведения экономической деятельности американских транснациональных корпораций в регионе. С другой стороны, внешнеполитическая стратегия сосредоточена на сохранении военного присутствия США, создавая конкуренцию влиянию России и Китая, последнего в большей степени. В США есть понимание того, что бывшие советские республики Центральной Азии в военно-политическом направлении связаны с Россией через их участие в ОДКБ и ШОС. Наряду с этим со стороны Китая есть предложения помощи в укреплении обороноспособности государств ЦАР и региональной безопасности через сотрудничество напрямую с КНР [9].

Результаты. На завершающем этапе президентского срока администрации Джо Байдена можно сделать вывод о том, что США сохранили приоритеты военного и экономического присутствия в Центральной Азии, несмотря на эвакуацию американских войск из Афганистана в 2021 году. Стабильной рассматривается приверженность укреплению партнерских отношений с центральноазиатскими государствами и попытка актуализации новых форматов сотрудничества посредством вовлечения стран региона в политический диалог. Продвижение прав человека и демократических институтов стало важной частью внешней политики администрации Байдена в Центральной Азии, хотя этот подход отличается от внешнеполитической линии Д. Трампа, которая не привела к серьезным политическим изменениям. Внешнеполитический дискурс представителей администрации Байдена строится вокруг понимания того, что США продолжают поддерживать усилия государств Центральной Азии по обеспечению их независимости, суверенитета и территориальной целостности, не ставя под сомнение легитимность постсоветских государств.

Военно-политические аспекты взаимодействия администрации Джо Байдена с государствами Центрально-Азиатского региона строятся на концептуальном и институциональном механизмах, заложенных предшественниками: международном формате «С5+1» и «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.». Можно утверждать о сохранении преемственности формата «С5+1», реали-

зуемого в течение разноплановых по своему содержанию администраций трех американских президентов. Военно-политический аспект отношений США и государств Центрально-Азиатского региона перестал быть строго определяющим и постепенно сместился в сторону программ экономического развития и инвестиций. Как отмечает сотрудник Института США и Канады РАН Н.А. Гегелашвили, в каждой стране США рассматривают ситуацию на местах, стремясь найти самые «узкие места», а затем, выявив их, пытаются решать имеющиеся проблемы – сначала на уровне двухсторонних контактов, затем – на региональном уровне, что в значительной степени сказывается на успешной реализации политики Вашингтона в регионе [1, с. 119].

Перед администрацией Байдена не стоит задача полностью выйти на прежние военно-политические позиции в регионе, имевшиеся до вывода войск из Афганистана в 2021 году. Текущая цель направлена на сохранение, поддержание американского военно-политического присутствия в регионе, не наращивание его, учитывая сокращающиеся объемы субсидирования военных мер в ЦА, основой которых остаются программы обучения и подготовки (ИМЕТ) и иностранного военного финансирования (FMF). Учитывая, что трансграничные вызовы и угрозы региональной безопасности сохраняют свою актуальность для Центральной Азии, внешнеполитическая стратегия администрации Джо Байдена ориентирована в сторону экономики «мягкой» силы, а не «жесткой» военной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегелашвили Н. Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-112-126>

2. Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения Талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 187–196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

3. Узбекистан стремится к сотрудничеству в военной области. 22.12.2021. URL: <https://unipath-magazine.com/ru/узбекистан-стремится-к-сотрудничеству/>

4. Улитин И. Сотрудничество Казахстана и НАТО: от библиотек до совместных учений. 25.10.2023. URL: <https://orda.kz/sotrudnichestvo-kazahstana-i-nato-ot-bibliotek-do-sovmestnyh-uchenij-378177/>

5. Fragile State Index 2023. URL: <https://fragilestatesindex.org/comparative-analysis/>

6. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism. Institute for Economics & Peace. February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf>

7. Individual Drug Seizure Data (IDS) Dataset. URL: <https://dmp.unodc.org/downloadIDS>

8. Jones I., Rakhimshoeva Sh. Central Asia Needs a New Approach to Security. 09.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/central-asia-needs-new-approach-security>

9. Palmer J. Is China Replacing Russia in Central Asia? 23.05.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/05/23/china-central-asia-xi-xian-summit-russia-ukraine/>

10. Regional Cooperation 2022 Military Exercise Begins in Dushanbe. 10.08.2022. URL: <https://tj.usembassy.gov/regional-cooperation-22/>

11. Roy M. S. The US Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing a New Phase of Engagement // *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices* / ed. by A. Upadhyay. Oxon: Routledge, 2022. 335 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003193418>

12. Stronski P. U.S. Foreign Policy Making in Central Asia. October 2023. URL: <https://crossroads-ca.org/wp-content/uploads/Stronski-eng.pdf>

13. The 2022 National Security Strategy. The White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

14. U.S. Foreign Assistance Data Set. 25.04.2024. URL: <https://www.foreignassistance.gov/>

15. U.S. Security Cooperation with Central Asia. U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs. 19.05.2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-central-asia/>

16. U.S. Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/c51-programming/>

17. Ziegler Ch. E. U.S. Policy and Central Asia // *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia* / eds. R. Isaacs, E. Marat. Oxon: Routledge, 2022. 478 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429057977-15>

1. Gegelashvili N. Rol SShA i ES v Centralnoj Azii v novyh geopoliticheskikh realiyah [The Role of the USA and the EU in Central Asia in the New Geopolitical Realities]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2023, no. 2, pp. 112-126. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-112-126>

2. Dzhorobekova A.E., Troitskiy E.F., Yun S.M., Timoshenko A.G. Regionalnaya bezopasnost v Tsentralnoy Azii v usloviyakh vozvrashcheniya Talibov k vlasti: vyzovy i ugrozy, stsenarii razvitiya [Regional Security in Central Asia After the Return of the Taliban to Power: Challenges and Threats, Scenarios]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 187-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

3. *Uzbekistan stremitsya k sotrudnichestvu v voennoj oblasti* [Uzbekistan Seeks Cooperation in the Military Field], Dec. 22, 2021. URL: <https://unipath-magazine.com/ru/узбекистан-стремится-к-сотрудничеству/>

4. Ulitin I. *Sotrudnichestvo Kazahstana i NATO: ot bibliotek do sovmestnyh uchenij* [Cooperation Between Kazakhstan and NATO: From Libraries to Joint Exercises], Oct. 25, 2023. URL: <https://orda.kz/sotrudnichestvo-kazahstana-i-nato-ot-bibliotek-do-sovmestnyh-uchenij-378177/>

5. *Fragile State Index 2023*. URL: <https://fragilestatesindex.org/comparative-analysis/>

6. *Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace, February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf>

7. *Individual Drug Seizure Data (IDS) Dataset*. URL: <https://dmp.unodc.org/downloadIDS>

8. Jones I., Rakhimshoeva Sh. *Central Asia Needs a New Approach to Security*, 09.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/central-asia-needs-new-approach-security>

9. Palmer J. *Is China Replacing Russia in Central Asia?* 23.05.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/05/23/china-central-asia-xi-xian-summit-russia-ukraine/>

10. *Regional Cooperation 2022 Military Exercise Begins in Dushanbe*, 10.08.2022. URL: <https://tj.usembassy.gov/regional-cooperation-22/>

11. Roy M.S. The US Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing a New Phase of Engagement. Upadhyay A., ed. *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices*. Oxon,

Routledge, 2022. 335 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003193418>

12. Stronski P. *U.S. Foreign Policy Making in Central Asia*, October 2023. URL: <https://crossroads-ca.org/wp-content/uploads/Stronski-eng.pdf>

13. *The 2022 National Security Strategy*. The White House, 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

14. *U.S. Foreign Assistance Data Set*, 25.04.2024. URL: <https://www.foreignassistance.gov/>

15. *U.S. Security Cooperation with Central Asia*. U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs, 19.05.2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-central-asia/>

16. *U.S. Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity*, 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/c51-programming/>

17. Ziegler Ch.E. U.S. Policy and Central Asia. Isaacs R., Marat E., eds. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. Oxon, Routledge, 2022. 478 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429057977-15>

Information About the Author

Liudmila M. Reshetnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>

Информация об авторе

Людмила Михайловна Решетникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>